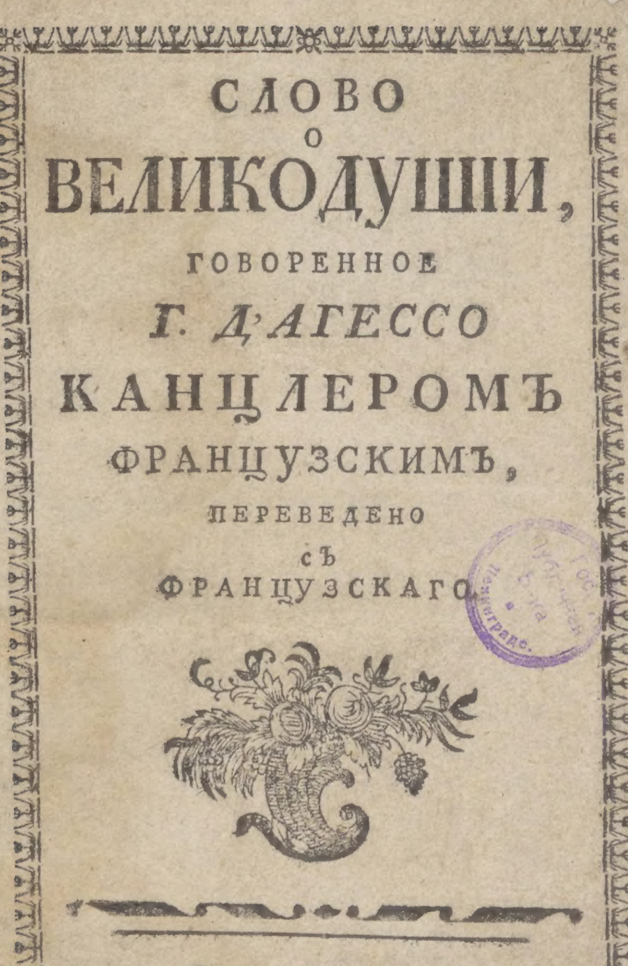

СЛОВО О ВЕЛИКОДУШІИ,

ГОВОРЕННОЕ

Г. Д'АГЕССО

КАНЦЛЕРОМЪ

ФРАНЦУЗСКИМЪ,

ПЕРЕВЕДЕНО

СЪ

ФРАНЦУЗСКАГО.

ВЪ МОСКВѢ

При Университетской Типографіи

1778 года.

Нѣтъ столь рѣдкія и столь мало извѣстныя въ нашемъ вѣкѣ добродѣтели, какъ истинное великодушіе. Едва сохраняемъ мы о немъ несовершенное понятіе, и неявственное онаго изображеніе себѣ представляемъ. Часто почитаемъ мы оное единою изъ существующихъ токмо въ нашемъ воображеніи, и повѣствуемыхъ въ писаніяхъ Философскихъ добродѣтелей, кои мы постигаемъ; но почти никогда не видимъ; и кои восходя превыше человѣчества, составляютъ предметъ паче безплоднаго удивленія, нежели полезнаго подражанія.

Начальныя черты и престѣйшія краски, употребляемыя умомъ нашимъ для начертанія образа истиннаго великодушія, суть превосходность души, не познавающей ничего свыше себя, кромѣ справедливости и закона. Твердая бодрость духа посреди колеблющагося мира не подвижима пребывающа; благородная гордыня искренне добродѣтельнаго сѐрдца, которое никогда не предполагаетъ себѣ инаго воздаянія, кромѣ самыя добродѣтели, всегда желаетъ общественнаго блага, и побуждено почтеннымъ честолюбіемъ, стремится воздать отечеству своему болѣе, нежели отъ него получаетъ.

Но мы не чая никогда уподобиться сему высокому образу, и удивленные единымъ воображеніемъ толь благородныя добродѣтели, почитаемъ оную удѣломъ древнихъ Героевъ; думаемъ, что изгнанна изъ нашего вѣка, и истреблена изъ сообщества живущихъ, обитаетъ она токмо меж-

ду славными оными мертвыми, коихЪ величіе существуетЪ еще вЪ Исторіи.

Плачевное и пагубное произносимЪ мы о вѣкѣ нашемЪ разсужденіе, коимЪ осуждаемЪ себя вѣчной слабости. Кажется, что преимущество быть истинно великимЪ, предоставлено было Сенату древняго Рима; и что твердое и искреннее великодушіе, сопряженное сЪ счастіемЪ Римскія имперіи, какЪ бы объято вЪ ея паденіи, и подЪ развалинами ея погребно было.

Правда, что предки наши видѣли сіяніе нѣсколькихЪ блестящихЪ онаго лучей, которые казались, будто желали проникнуть сквозь мракЪ вѣка ихЪ; но злоухищренная слабость нашего вѣка даже не можетЪ снести драгоцѣнныхЪ остатковЪ сего поражающаго свѣта. Будучи всегда обладаемы помышленіемЪ о частныхЪ нашихЪ пользахЪ, не можемЪ мы

вѣрить, чтобъ были души толь благородныя, дабы упражнялись единственно въ общественной пользѣ. Страшимся мы обрѣсть въ прочихъ величіе, коего не чувствуемъ въ себѣ. Обезпокоивающее онаго присудствіе былобъ для насъ непрерывнымъ укореніемъ, оскорбляющимъ нѣжность самолюбія нашего; и будучи увѣрены, что нѣтъ кромѣ ложныхъ добродѣтелей, не помышляемъ уже не только о подражаніи, но даже и о почитаніи истинныхъ.

Великодушіе получаетъ чистосердечныя жертвоприношенія въ тѣ единые вѣки, въ коихъ оно чаще зримо бываетъ.

Великимъ мужамъ однимъ принадлежитъ другъ друга познавать, и истинно почитать. Прочіе же не познаютъ оныхъ, или естьли и познаютъ, то часто не имѣютъ къ нимъ довѣренности, и всегда почти ихъ опасаются. Простота ихъ, кою мы не

возможемъ почитать истинною, не можетъ успокоить насъ при ихъ возвышенiи, осуждающемъ и приводящемъ въ отчаянiе слабость нашу. Блаженъ судья держающiй посреди сихъ предубѣжденiй, толико противныхъ истинному достоинству, научать людей, что великодушiе есть добродѣтель всѣхъ вѣковъ и всѣхъ состоянiй; и что хотя развратность нашихъ нравовъ представляетъ оное труднѣйшимъ, но никогда не будетъ въ силахъ содѣлать невозможнымъ для добродѣтельнаго человѣка.

Рожденный паче для отечества, нежели собственно для себя, въ самыя тѣ торжественныя минуты, въ кои правленiе обременило его, подобно самопроизвольному невольнику, почтенными оковами, почитаетъ онъ себя жертвою, посвященною не токмо пользѣ общества, но и неправосудiю онаго. На вѣкъ свой взираетъ, какъ на страшнаго противуборника, съ коимъ будетъ принужденъ бра-

тися во все теченіе жизни своея; будетъ имѣть бодрость духа; раздражаетъ его для содѣланія ему пользы; и хотя иногда навлечетъ на себя отъ него ненависть; но всегда достоинъ будетъ почтенія его.

Да не допуститъ онъ отвратить себя отъ толь благороднаго намѣренія ложными мнѣніями тѣхъ, кои безславятъ правосудіе отторженіемъ отъ него толико свойственнаго ему великодушія, для составленія изъ онаго знаменитыя принадлежности воинской добродѣтели.

Коликаго сожалѣнія былибъ мы достойны, когдабъ удовольствіе зрѣть великія души пріобрѣталось всегда слезами и кровію, сопутствующими колесницѣ побѣдителей! и коль плачевенъ былъ бы родъ человѣческій, естьлибъ мы принуждены были желать войны, или отречься истиннаго величія!

Пусть великолѣпіе, окружающее славу оружія, ослѣпляетъ взоръ невѣжественнаго народа, который чудится единственно тому, что поражаетъ и удивляетъ его чувства. Да обожаетъ онъ токмо добродѣтель вооруженною и устрашающею, и презираетъ ее спокойну, и не познаетъ въ простотѣ ея.

Но мудрый тайно соболѣзнуетъ о развратности народныхъ разсужденій. Онъ знаетъ всю цѣну того внутренняго величія, которое ни съ кѣмъ не раздѣляетъ славу владычествовать, и побѣждать; и заимствуя отъ природы вещей божественныхъ окруженно собственнымъ блистаніемъ, довольствуется едиными ея сокровищами.

Не сомнѣнно могутъ быть во всѣ времена и во всѣхъ званіяхъ Герои. Бываютъ оные во дни мира, равно какъ и въ войнѣ; и тѣ, коихъ посвящаетъ правосудіе, по крайней мѣрѣ имѣютъ славу быть по-

лезнѣйшими для рода человѣческаго тѣхъ, кои храбростію увѣнчанны. Совершеннѣйшій образъ истиннаго величія самъ Богъ, содержащей въ себѣ онаго источникъ и полность, равно ревностенъ къ имени праведнаго судіи, какъ къ имени Бога воинства. Онъ позволяетъ брань, но повелѣваетъ миръ; и буде побѣдитель представляетъ страшное подобіе Бога, мстящаго и раздраженнаго: то праведный есть благородное изображеніе божества милосердаго и благотворительнаго.

Ибо что есть судья, и каковое изображеніе о немъ добродѣтель представляетъ нашему уму? Блаженны былибъ мы, естьлибъ оно всегда предстояло очамъ нашимъ въ ощутительныхъ опытахъ!

Онъ есть мужъ всегда ополченный для содѣланія правосудія торжествующимъ, не устрашимый покровитель невинности, грозный мститель несправедливости и по

возвышенному изреченію самыя премудрости, могущій съ непобѣдимымъ мужествомъ разрушить сооруженныя изъ металла непроницаемыя стѣны, кои кажутся ограждающими пороки отъ ополченій добродѣтели. Часто слабый по виду, но всегда великій и могущественный въ дѣйствѣ; тщетно сокрушаются о твердость его бурныя волненія страстей человѣческихъ.

Наконецъ онъ есть мужъ толико сопряженный, толико соединенный, и естьли смѣю сказать, толь неразличный съ правосудіемъ, что оно кажется единою съ нимъ вещію. Благоденствіе народное составляетъ не токмо первоначальный, но и единственный его законъ. Всѣ его мысли, слова, дѣйствія имѣютъ предметомъ общественную пользу; и онъ наслаждается рѣдкимъ благополучіемъ быть почитаему отъ всѣхъ своихъ согражданъ, мужемъ посвященнымъ блаженству отечества своего.

Буде великія души изпрашивают отъ неба токмо подъятіе важныхъ трудовъ, презрѣніе большихъ опасностей и противуборствованіе сильнымъ врагамъ: то какіе труды, какія опасности, какіе враги достойнѣе великодушныхъ ополченій добродѣтельнаго мужа, какъ тѣ, кои добродѣтель уготовляютъ судьѣ въ теченіе продолжительныя и многотрудныя жизни! не столь щедра для него, какъ для прочихъ людей, за каковую же цѣну доставляетъ она ему опредѣляемое отъ нея величіе!

Разумъ рожденный для великихъ дѣлъ упражняться въ прилѣжномъ изслѣдованіи ухищренныхъ изворотовъ и скрытнѣйшихъ пронырствъ затруднительнаго судопроизводства; зрѣть правосудіе, стенающе подъ бременемъ безчисленнаго множества коварныхъ обрядовъ, и не быть въ силахъ вспомоществовать оному; часъ отъ часу наипаче утопать въ безпредѣльномъ морѣ древнихъ и новыхъ

законовъ, коихъ многочисліе почиталось всегда отъ мудрыхъ яснымъ знакомъ развращенія народнаго; непрестанно взирать на плачевное зрѣлище слабостей и бѣдствій человѣческихъ; имѣть болѣе власти оное осуждать, нежели предупреждать; быть всегда принужденну наказывать людей, не надѣясь никогда почти ихъ исправить; пребыть нерушимо предану служенію правосудія, въ то время, когда оно токмо трудности предлагаетъ почитателямъ своимъ, и когда кажется, что званіе судьи отвращаетъ путь къ щастію. Се первые предметы, кои добродѣтель представляетъ великодушію судьи.

Младость не имѣетъ для него забавъ; не обѣщаетъ ему покоя старость. Тѣ, кои измѣряютъ теченіе жизни своея изобиліемъ и разнообразностію веселостей, мнятъ, что онъ не жилъ; или жизнь его почитаютъ долговременною смертію, въ продолженіи

женіи коей онЪ жилЪ всегда для другихЪ, а не для себя; какЪ будто мы пщетно теряемЪ время, употребляемое на служеніе отечеству, и какЪ бы напротивЪ того сіе было не единственное средство удержать быстроту лЂтЪ нашихЪ, и содЂлать оные долговЂчными, полагая залогомЪ вЪ нЂдра оныя твердыя славы, которая посвящаетЪ память мужа праведнаго безсмертію.

БлаженЪ долженствуяй преходить путь многотрудный, естьли можетЪ онЪ по крайней мЂрЂ благонадежно по оному шествовать; или скажемЪ лучше устами добродЂтели, блаженЪ, когда найдетЪ новыя причины кЪ усугубленію бодрствованія и неутомимости своея, вЪ опасностяхЪ, кои равно какЪ и труды состоянія его достойны его великодушія.

Таковà есть знаменитая должность, кою правосудіе возлагаетЪ на судью, начертая на челЂ

его

его священное знаменованіе своея власти. Представляя живый образЪ закона, долженствуетЪ онЪ подобно оному шествовать между двухЪ сопротивныхЪ крайностей; и отверзая себѢ трудный путь посреди окружающихЪ званіе его пучинЪ, да страшится онЪ низвергнуться вЪ едину, желая избѢжать другія.

По истиннѢ величественное зрѢлище и достойный воззрѢнія самаго правосудія предметЪ представляетЪ бореніе мужа добродѢтельнаго, препровождаемаго единою своею добродѢтелью, сЪ мужемЪ сильнымЪ, вспомоществуемымЪ всемЪ, что лицепріятіе можетЪ имѢть ужаснѢйшаго. Коль пріятно доказать безсиліе онаго, и заставить оное признаться, что сердце судьи свободно отЪ его владычества, и что, когда ни дерзало оно ополчаться противЪ его добродѢтели, всегда побѢждено ею было!

Слава

Слава торжества сего, кажется, помрачаетъ даже сіяніе прочихъ побѣдъ судьею одержимыхъ; чрезъ сіе токмо люди обыкновенные позволяютъ ему вознестись на степень Героевъ, и удѣлятъ съ ними великодушіе.

Не ополчимся здѣсь противъ неумѣренности сего предубѣжденія; не позволь о Боже! чтобъ мы когда нибудь восхотѣли унизить тѣ великія дѣянія, въ коихъ зрѣли мудрыхъ и неустрашимыхъ судей, не обинуяся презрѣвши вѣрнѣйшими своими надеждами, съ радостію содѣлавшихся знаменитыми жертвами правоты и честности, и отрекшись обѣщаній щастія, славно заключившихъ себя въ нѣдра добродѣтели своея.

Признаемся однакожъ, и скажемъ подобно симъ великимъ мужамъ, что рѣдкое благополучіе составляетъ то, что души обыкновенныя почитаютъ знаменитою, но трудною должностью для судьи.

Кто добродѣтельный человѣкъ не пожелаетъ толь блаженнаго бѣдствія, и не согласиться пріобрѣсть оное чрезъ потеряніе высочайшаго щастія.

И такъ скажемъ смѣло: болѣе стыда въ уступленіи лицепріятію, нежели славы въ противуборствованіи оному. Истинное великодушіе тайно стыдится восклицательными хваленіями, кои принуждено оно принимать, вкуся чистѣйшее удовольствіе отъ восторжествованія надъ лицепріятіемъ, чрезъ принесеніе себя на жертву правосудію. Съ нѣкіимъ негодованіемъ отвергаетъ оно сіи похвалы, оскорбляющія его честность, и кажется ему, что его хвалятъ единственно за то, что злодѣянія не сдѣлало.

Буде что страшно для него, то свойственное всѣмъ великимъ душамъ желаніе, вспомоществовать всегда бѣдному и немощному противъ богатаго и сильнаго.

Иску-

Искушеніе опасное, прелесть, коея мужъ добродѣтельный тѣмъ паче страшиться долженъ, что кажется она купно съ его добродѣтелями ополчается противъ его. Оно представляетъ ему безмѣрною силою то, что токмо есть безмѣрная слабость. Онъ обожаетъ ложный образъ величія, и приноситъ неправедности жертву, которую чаетъ посвящать правосудію.

Изъ глубины сердца нашего возстаетъ тайная гордыня, тѣмъ паче опасная, чѣмъ она проницательнѣе, возмущающая насъ противу силы и власти: не любовь къ правосудію побуждаетъ насъ, но ненависть къ лицепріятію. Торжественными для судейства почитаютъ тѣ звучные дни, въ кои зрятъ наисильнѣйшіе власти устрашенны, низверженны и порабощенны правосудію. Тогда-то судья въ веселіи собираетъ похвалы, приносимыя ему отъ невѣжественнаго народа, [который для того единственно

ственно хвалитъ его, что почитаетъ лицепріятіе сопряженно съ неправосудіемъ], и съ вящшимъ еще удовольствіемъ вкушая укоренія вельможъ, пожертвованныхъ отъ него славѣ своей, ласкаетъ себя ложною честію презирать угрозы раздраженнаго щастія, въ то время, когдабъ онъ долженствовалъ помышлять токмо о укрощеніи правосудія.

Но умѣть подвергать себя ненависти и мщенію вельможъ, до порицанію и негодованію самыхъ добродѣтельныхъ людей, кои послѣдуютъ иногда стремленію народныхъ разсужденій: желать лучше быть великимъ, нежели таковымъ являться; не быть чувственну ни къ ложной славѣ, превзойти наистрашнѣйшую власть; ни къ ложному стыду, казаться покоряющимся ея силѣ, и охотно принять на себя гнусный видъ несправедливости, дабы съ потеряніемъ всей славы своей, чрезъ постоянное и знаменитое претерпѣніе поношенія,

нія, услужить правосудію. Сіе предоставлено токмо малому числу душъ благородныхъ, коихъ добродѣтель возноситъ превыше самыя славы ихъ.

Ненавидящіе ложную славу, наипаче еще убѣгаютъ они высокомѣрія и властолюбія, кои часто бываютъ пагубны для большей части великихъ душъ.

Коль рѣдки разумы толико превосходные, дабы кротостію умѣряли сіяніе превосходнаго просвѣщенія своего, и мудростію услаждали владычество разума господствующаго, который чувствуетъ себя рожденнымъ для управленія!

Коль трудно умѣть сохранять въ самомъ благѣ умѣренность, и даже въ преимуществахъ разума безмѣрности удаляться! и какое великодушіе потребно, дабы избавиться отъ сего бѣдствія: ибо и для поверженія себя въ оное велику быть должно!

Сея-то рѣдкія мудрости достигнуть добродѣтельный судья непрестанно старается. Соболѣзнуя о подлой робости оныхъ малодушныхъ, кои отъ малѣйшаго противурѣчія колеблются, и для того только отступаютъ отъ перваго своего го́лоса, что другіе опровергаютъ его, равно осуждаетъ онъ надменною гордыню тѣхъ непокорныхъ разу́мовъ, которые защищаютъ свои мнѣнія, не столь для справедливости, сколь для того, что отъ нихъ предложены, и кои часто не уважая преимущества, ни лѣтъ, ни достоинствъ, требуютъ, чтобъ преклонялись предъ ними всѣ колѣна, и всѣ уста повиновались бы высокимъ ихъ дарованіямъ. Искусно управляющій слабостью се́рдца человѣческаго, (которое ничего столь не страшится, какъ чувствовать управленіе себя, въ самое то время, когда оное наипаче нужно для него) наивящше остерегается онъ, чтобъ не поругать справедливость облеченіемъ ее въ тиранства, который при-

ли-

личенЪ единой токмо страсти. Коль воздерженЪ будетЪ онЪ, когда помыслитЪ, что совѣты весьма рѣшительные, видЪ преисполненный довѣренности часто бывали вредны самому правосудію; что наискромнѣйшіе умы всегда почти возмущаются противу тѣхЪ, кои не столь убѣдить, сколь покорить ихЪ стараются; и тайнымЪ движеніемЪ, не вольно вселяющимся вЪ насЪ, обвиняютЪ они правосудіе нескромными поступками тѣхЪ, которые представляютЪ имЪ оное.

Буде часто управляетЪ онЪ мнѣніями прочихЪ судей, то сіе токмо чрезЪ ясность доказательствЪ своихЪ и мудрую кротость, сЪ коею предлагаетЪ оныя. Наставляя ихЪ, кажется самЪ учащимся. Устроивая имЪ путь, кажется послѣдующимЪ за ними; и столь совершенно знаетЪ онЪ искусство водить людей по стезямЪ истинны, что ведомые имЪ примѣчаютЪ, сіе токмо чрезЪ паденія,

кои

кои они дѣлаютъ въ отсудствіе его.

При толь щастливыхъ расположеніяхъ не опасны великія и пространныя его дарованіи. Никогда правосудіе не будетъ принуждено страшиться силы и возвышенія его разума. Не убоится, дабы не обратилъ онъ противъ закона оружіе, врученное ему отъ онаго для защищенія своего, и чтобъ похитилъ отъ него власть, коея онъ хранителемъ токмо для содѣланія его владычества.

Да удалится отъ мудраго судьи недостойная страсть тѣхъ опасныхъ судей, кои презираютъ не трудною славу защищать справедливую сторону, и защищаютъ противную для того, что оная удобнѣе явить остроуміе ихъ, которые покровительствуютъ всѣ отчаянныя дѣла, и мнятъ, что величество человѣческаго разума состоитъ въ показаніи себя превосходящимъ здравый разсудокъ и истинну.

Чѣмъ болѣе просвѣщенный, тѣмъ паче повиновенный судья, желающїй содѣлать себя истинно великимъ, низлагаетъ все свое величїе у престола правосудїя. Блаженъ, естьли могъ познать оное самъ! блаженъ паче, когда имѣлъ преимущество вразумить его другимъ! чистосердечно и благоговѣйно почитающїй законъ, никогда онъ не старается опровергать онаго существо вымышленными неудобностями, и уничтожать разумъ его коварными толкованїями, дабы чрезъ лицемѣрное и внѣшнее повиновенїе разрушить его власть.

Какїе страхи возмогутъ поколебать душу толь твердую и толь благородную?

Будетъ ли чувствительна къ прелестямъ дружества та, которая отвергла ласкательства щастїя?

Допуститъ ли она себя ослѣпить блескомъ достоинства своего

его

его, и возмнитЪ ли, что все должно уступать ея силѢ, и уклоняться подЪ бременемЪ того чуждаго могущества, кое получаетЪ она иногда надЪ мнѢніями прочихЪ людей, паче отЪ боязни кЪ судейской власти, нежели отЪ почтенія кЪ ея добродѢтели? НѢтЪ, она всегда сЪ негодованіемЪ взирала на тѢхЪ невѢрныхЪ служителей, кои званіе свое почитаютЪ благомЪ, имЪ принадлежащимЪ; стараются наслаждаться возвышеніемЪ своимЪ, какЪ будтобЪ они были судьи собственно для себя, а не для республики, и желаютЪ присвоить себѢ величіе, которое отечество даруетЪ имЪ, токмо для порабощенія ихЪ всѢмЪ тѢмЪ, кои требуютЪ отЪ власти ихЪ помощи.

Не ужѐли отвращеніе кЪ состоянію своему разліетЪ тайный ядЪ на всѢ его упражненіи? ПознаетЪ онЪ всѢ опасности онаго; но самыя сіи опасности будутЪ узы, теснѢе сопрягающіе его со зва-

ніемъ своимъ. Вмѣсто того чтобъ трудность онаго произвела въ немъ отвращеніе, для нея-то и возчувствуетъ онъ, сколь должно оно быть почтенно для великихъ душъ. Буде непріятенъ для него чинъ, которой онъ занимаетъ, то пріятно ему будетъ благотворимое отъ него въ ономъ. Возмогутъ не возвышать его; но не возмогутъ возбранить ему великимъ быть. А сіе непоколебимое величіе, которое сама добродѣтель вручаетъ мужу добродѣтельному, составляетъ единственный предметъ его честолюбія.

Преодолѣвающій толикія опасности, кои, можно сказать, въ теченіе судейства раждаются подъ стопами его, весьма возвышенъ будетъ онъ, дабы страшиться ополченій враговъ, окружающихъ его.

Забавы почтутъ священною строгость его цѣломудрія; страсти въ боязни и трепетѣ умолкнутъ предъ нимъ, или удалятся отъ

при-

присудствія его; единое слово его болѣе учинитъ впечатлѣнія, нежели продолжительнѣйшія рѣчи прочихъ судей; развращенность не возможетъ снести безмолвнаго обличенія грознаго его лица̀, и пороки устрашатся даже взора его.

Властолюбіе возможетъ съ начала ласкать себя одержаніемъ легчайшей надъ нимъ побѣды; но вскорѣ испытаетъ, что онъ не болѣе алчущь почестей, какъ и веселій. Часто будетъ оно стараться отмстить его презрѣнію; но смятется, не возмутя спокойство душѝ его; и не токмо чтобъ возбудить въ немъ сѣтованія и роптанія; но съ прискорбіемъ признается, что не возмогло даже ни единаго вздоха исторгнуть изъ глубины се́рдца его.

Наконецъ, никогда корысть и сребролюбіе не отважатся обезславить послѣдованіе толико знаменитой жизни. Безкорыстнѣйшія должности суда съ наивящшимъ

усердіемъ пріемлемы отъ него будутъ. Съ прискорбіемъ будетъ онъ слѣдовать обычаю, установленному въ прочихъ, и сохраняя до конца жизни своея оную робкую и похвальную стыдливость, которая кажется быть удѣломъ первыя юности, тщетными почтетъ онъ труды свои, какъ скоро получитъ за нихъ каковое награжденіе.

Тако великодушіе поставляетъ судью превыше трудовъ, опасностей и враговъ его званія.

Но кто дерзаетъ нынѣ помыслить о пріобрѣтеніи толь высокаго качества? Не устрашимся сказать еще, что оное почитаютъ предметомъ суетнаго размышленія и образомъ мысленнаго совершенства; и можетъ быть что въ самое время бесѣдованія нашего часть слушателей тайно уподобляетъ насъ тѣмъ дерзновеннымъ живописцамъ, кои желая превзойти природу, вмѣсто подража-

жанія

жанія ей, постигаютЪ величественное, но теряютЪ вѢроятное.

Буде остается еще у насЪ мрачное воспоминаніе о истинномЪ величіи: то сіе есть единый обманчивый блескЪ, приводящій насЪ вЪ заблужденіе. Мы измѢряемЪ пространство души нашей, токмо пространствомЪ нашихЪ желаній; и развращеніе нравовЪ нашихЪ таково, что даже властолюбіе кажется намЪ добродѢтелью.

Колико судей видимЪ мы ласкающихся содѢлать себя великими чрезЪ алчное снисканіе суетныя и опасныя чести обращаться сЪ вельможами! для достиженія до сего ложнаго величества разрушаютЪ они преграды, постановленные мудростію предковЪ нашихЪ; не различаютЪ предѢлы двухЪ званій, коихЪ нравы совсѢмЪ не общительны; и чѢмЪ могутЪ они участвовать вЪ семЪ неравенственномЪ сообществѢ, чрезЪ которое надѢются воспріять часть

сіянія, окружающаго вельможъ? За каковую цѣну пріобрѣтаютъ они знаменитое и обременяющее дружество?

Не скажемъ здѣсь, что опасно, дабы они, не сохраняя достоинство свое, не навыкли не чувствительно, столь же мало сохранять и долгъ свой, и чтобъ не возложили иногда на правосудіе исполненіе обязанности, коею они становятся должны вельможамъ.

Не представимъ людей паче слабыми или развращенными, нежели они суть, и не отважимся сказать то, о чемъ и помыслить стыдно; но скажемъ токмо, что всегда жертвуютъ частію постоянныя и неустрашимыя оныя вольности, которая составляетъ наикрѣпчайшую подпору величію судьи. Становится онъ зависящь отъ тѣхъ, кои по состоянію дѣлъ своихъ всегда почти отъ него зависятъ. Буде чувствуетъ онъ себя довольно сильна для противу бор-

борствованія власти и дружеству, соединеннымЪ противЪ его: то можетЪ ли онЪ надѣяться быть всегда столь щасливЪ, дабы избавиться отЪ тайныхЪ ухищреній, того почти непостижимаго предубѣжденія, которое кроется во внутренности сéрдца нашего, и затмѣваетЪ разумЪ, не давЪ ему время даже и помыслить о охраненіи себя отЪ него? НаконецЪ хотя бы онЪ надѣялся равно преодолѣть предубѣжденіе какЪ и слабость; но для чего подвергать себя бореніямЪ, вЪ коихЪ опасность вѣрная, успѣхЪ сомнительный, и отЪ которыхЪ чрезЪ самую побѣду (злополучною всегда для одержателя) послѣдуетЪ лицемѣрному дружеству истинная ненависть, и временному покровительству безконечное мщеніе.

Другіе умы слабѣйшіе еще предЪ симЪ изображенныхЪ, ищутЪ мнимаго возвышенія вЪ явленіи обществу великолѣпія своего. Вся жизнь ихЪ составляетЪ

токмо

токмо долговременное представленіе, вЪ коемЪ наружно удивляются сіянію надменнаго ихЪ величія; но внутренно соболѢзнуютЪ о суетности гордыя слабости ихЪ.

Истинное величіе стенаетЪ отЪ сего великолѢпія, которое сокрываетЪ токмо его, и опасаясь, дабы не смѢшаться сЪ пороками, кои всегда почти сопутствуютЪ надменности и роскоши, исходитЪ оно изЪ нѢдрЪ изобилія, и преселяется вЪ добродѢтельное обиталище умѢренности.

Тамо утѢшается она образованіемЪ сéрдца, истинно его достойнаго.

Не довольствуется оно дарованіемЪ судьѢ основанія внутренняго величія, единому Богу совершенно свѢдомаго, но покрываетЪ еще наружность его сіяющими лучами того поражающаго свѢта, которой онЪ содержитЪ вЪ себѢ.

Про-

Простосердечіе его, равенство его души, единообразность жизни его суть добродѣтели, коихъ не можетъ сокрыть скромность его. Пріятное и величественное спокойствіе, явная и признаваемая власть повсюду сопутствуютъ ему. Собственное его величіе измѣняетъ его, и противъ его воли предаетъ похваламъ, кои онъ презираетъ.

Будучи превыше удивленія людскаго, не требуетъ онъ отъ нихъ и благодарности. Блаженъ, когда можетъ сокрыть отъ нихъ творимое имъ отъ него благо, и быть невѣдомымъ содѣтелемъ общественнаго благодѣнствія!

Не поколебимый ни чрезъ какія произшествія, онъ, кажется, предусматриваетъ оныя, и всѣми равно презираетъ. Никогда гнѣвъ не смущаетъ ясности лица̀ его; никогда высокомѣріе не изображаетъ наономъ гордости; никогда уныніе не начертаетъ на немъ слабости.

Нако-

Наконецъ всегда великій безъ надменности, безъ тщеславія, часто и въ невѣденіи; послѣднее величія его качество составляетъ непознаніе онаго.

Онъ почитается предѣломъ человѣческія мудрости. Отцы показуютъ его дѣтямъ своимъ какъ совершеннѣйшій примѣръ для подражанія; буде вопросятъ о мужѣ добродѣтельномъ, то всѣ его сограждане съ стремительнымъ усердіемъ наименуютъ его.

Желая начертать добродѣтель, представятъ его изображеніе. Тщетно говоритъ стихотворецъ, (*) что онъ былъ намѣренъ начертать вообще добродѣтельнаго мужа. Весь народъ вопіетъ, что онъ изображалъ *Аристида*; и оставляя вымышленное, обращается къ истиннѣ; забываетъ Героя баснословнаго, зримаго на позорищѣ, и чудится величественнѣйшему зрѣлищу, которое предста-

(*) Eſchyle. Septem contra Theb.

ставляетЪ ему добродѣтель простаго гражданина.

Таковы суть драгоцѣнные плоды свойственнаго судьѣ великодушія. ЧрезЪ оное мудрый сей АѲинянинЪ удостоился нѣкогда знаменитаго званія мужа праведнаго; и его представляемЪ мы нынѣ примѣромЪ для тѣхЪ, коихЪ щастіе зоветЪ кЪ ношенію сего имени. Блаженны будемЪ мы, естьли во всѣхЪ упражненіяхЪ нашихЪ не потеряемЪ изЪ вида толь рѣдкія добродѣтели, и когда достойны будемЪ бесѣдовать о великодушіи, показуя оное вЪ опытахЪ!

